

ГОРЯЧИЙ СЕЗОН

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Горячий сезон / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ
КГБ).

ISBN 978-5-04-229831-8

Лето 1974 года. Группа спецназа КГБ во главе с подполковником Вячеславом Богдановым отправляется в отпуск на побережье Крыма. В Севастополе бойцы становятся свидетелями уникального события: на рейд прибывает советский военный корабль новейшего образца. Здесь же, на берегу, срывает и знаменитое чутье спецназа. В толпе зевак отпускники замечают молодого человека, тайно снимающего судно необычным фотоаппаратом зарубежного производства с сильной оптикой. Почуввав, что за ним наблюдают, подозрительный тип поспешил скрыться. Однако подчиненные Богданова уже взяли след. Вскоре стало понятно, что интерес странного фотографа к военной технике — не простое любопытство...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229831-8

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ОТПУСК ПО-СПЕЦНАЗОВСКИ

Бывает ли отпуск у бойцов спецназа КГБ? С одной стороны, вопрос этот чисто риторический. Конечно же, бывает. Должен быть, как и у всех прочих трудящихся граждан. Но это с одной стороны. С другой же...

Вот в том-то и дело. Нередко случается так, что вот уже и рапорт на предоставление отпуска начальством подписан, и всевозможные финансово-бухгалтерские дела урегулированы, и даже окончательно решено, как именно ты проведешь долгожданный отпуск, и билет уже куплен в какие-нибудь благословенные края. Кажется, только и остается, что усесться в купе поезда или в кресло самолета... Ан нет! В самый последний момент тебя настигает команда «Стоп!», а точнее говоря, требование срочно явиться к начальству. Да-да, к тому самому начальству, которое буквально позавчера подписывало тебе рапорт на предоставление отпуска и говорило душевные напутственные речи.

И ты понимаешь: отпуска, скорее всего, тебе не видать. Потому что вдруг образовалось некое дело, которое можешь решить только ты, и никто больше. Дело важное и при этом настолько срочное, что решать его, по справедливости говоря, нужно было еще вчера.

В принципе, ты можешь сказать «нет», потому что находишься в законном отпуске. И еще добавить что-нибудь вроде того, что не ты один служишь в спецназе КГБ и, стало быть, есть кому разобраться со срочным делом. И никто не поставит тебе это в упрек, потому что и впрямь есть достойные люди в спецназе. А у тебя — долгожданный отпуск, который ты заслужил и в котором ты не был три, а может, и четыре года подряд. Должна же, в конце концов, восторжествовать справедливость?!

Но ты ничего такого не скажешь и, скорее всего, даже ни о чем таком не подумаешь. Потому что помимо формальной справедливости есть еще и справедливость иная, продиктованная твоей совестью. Ты прекрасно понимаешь, что коль уж тебя в самый последний момент отзывают из отпуска, значит, и впрямь случилось нечто такое, что важнее всякого отдыха и всех твоих справедливых возмущений. Иначе не отозвали бы. Если бы была возможность обойтись без тебя, то обошлись бы. Но, похоже, обойтись без тебя никак нельзя...

И ты выходишь из купе или сходишь с трапа самолета и, преисполненный философским пониманием, для начала объясняешь тем своим близким, с кем намеревался отбыть в отпуск, что так, мол, и так, хотел как лучше, а вот требуют немедленно явиться. Стало быть, отпуск откладывается на неопределенное время. А близкие — это, конечно, твоя жена. Ну, может, еще и дети, если ты по молодости лет успел ими обзавестись.

В душе жены тоже просыпается философское понимание, которое обычно укладывается в единственную фразу: «Что ж, коль отзывают из отпуска, стало быть, так и надо, иначе бы не отзывали. И вообще, знала я, за кого замуж шла...»

Ну а затем ты предстаешь перед начальством, которое, зачастую даже не извинившись за твой прерванный отпуск, выдает тебе срочный приказ. И ты в очередной раз отправляешься спасать Родину...

Все сказанное можно воспринимать как прелюдию к дальнейшему разговору или, если хотите, как пространный эпиграф. А теперь речь пойдет по существу.

ГЛАВА 1

Отправиться в отпуск Богданову и всей его команде предложил лично генерал Скоробогатов — его непосредственный начальник. Он так Богданову и сказал:

— Ну а что? Сейчас вроде как затишье. И что самое главное, ничего этакого в ближайшее время как будто не предполагается. Разведка докладывает, что наши враги взяли паузу. Должно быть, замышляют очередное паскудство. Но это, знаешь ли, дело долгое. А вот лето — дело, наоборот, короткое. А потому отправляйтесь-ка вы в отпуск! Всей бригадой! Немедленно! Пишите рапорта прямо сейчас, а я наложу на них начальственную резолюцию. И катите куда хотите, чтобы вас и видно не было! На целых сорок пять суток, не считая праздников и выходных дней! Как ты смотришь на такое предложение?

Ну а как Богданов мог смотреть на такое предложение? Конечно же, с удовольствием: ведь ни он сам, ни его команда не были в отпуске вот

уже три года. Все, знаете ли, неотложные дела... А сейчас начальство, так сказать, собственными устами предложило отдохнуть от трудов праведных. Отказываться от долгожданного отпуска было бы непростительным грехом и несусветной глупостью.

Буквально через полчаса о предстоящем отдыхе уже знало все воинство Богданова. И конечно, все выражали бурную радость, насколько вообще могут выражать бурную радость столь сдержанные люди, каковыми являются бойцы спецназа КГБ. А затем все до единого принялись писать рапорта о предоставлении отпуска.

Естественно, не обошлось без замечаний и прочих реплик. Тем более что для этого были основания: долгожданный отпуск — дело хорошее, но нельзя же так, с бухты-барахты! Вот и думай теперь, на что лучше всего потратить сорок пять суток плюс выходные и праздничные дни! Нет чтобы начальству сообщить об отпуске заранее... Ох любит оно неожиданные сюрпризы, ох уважает! В этом-то и таится начальственное коварство. Даже если сюрприз положительный и долгожданный, все равно он преисполнен коварства, которое способно радость отравить!

— Да оно бы еще и ладно, — рассудительно заметил Степан Терко, один из ветеранов-спецназовцев. — Уж как потратить благословенные де-

нечки — с этим мы разберемся. Только вот что меня смущает: ставлю десять против одного, что отпуск нам отменяют! В самый последний момент! Обязательно найдется какое-нибудь срочное дело, предчувствую я это. Потому что такое случалось уже не однажды. А коль так, почему бы не быть и на сей раз? Разубедите меня, если сможете!

— Скоробогатов говорил, что, по данным разведки, враги никакого коварства в ближайшем будущем вроде как не замышляют, — сказал Богданов. — Поэтому-то он и отправляет нас всех в отпуск.

— Ну это не аргумент! — возразил еще один ветеран — Александр Дубко. — Сегодня, может, и не замышляют, а завтра, глядишь, и замыслят. Враги — они такие, с них станется.

— А то, может, и наша разведка сплеховала, — вступил в разговор еще один боец, Георгий Казаченок. — Не углядела тонких и коварных вражеских происков. Может такое случиться или нет? Запросто может!

— И обозначатся эти происки именно в тот самый момент, когда мы совсем уже соберемся в отпуск! — горестно вздохнул четвертый боец, Георгий Малой. — Или, того хуже, когда мы только-только расслабимся по полной программе. Тотчас же прилетит к нам депеша: возвращайтесь, мол, ибо враг не дремлет. Вот увидите, все так и будет! Моя душа чувствует!

— А вот моя душа чувствует, что на этот раз ничего такого не будет, — возразил Богданов. — Все будет нормально, как и полагается. То есть отгуляем мы свои отпуска от звонка до звонка.

— Ну если ты так считаешь... — развел руками Степан Терко. — Ты командир, тебе, конечно, виднее.

Надо сказать, что Богданов слегка приврал. На самом деле он ничего такого не считал и ни в чем не был уверен. Наоборот, он думал так же, как и его подчиненные. Что все отменится в самый последний момент неизвестно по какой причине. Да, в общем, причина и не важна. Все отменится потому, что так в спецназовской жизни бывает очень часто — почти всегда... Но вслух ничего такого, конечно, не сказал. Он был командиром, ему полагалось вселять в своих подчиненных уверенность. Даже в таком тонком и непредсказуемом деле, как спецназовский отпуск.

...Пока бойцы вдохновенно писали рапорта, Богданов созвонился с женой и сообщил ей о предполагаемом скором отпуске. Жена, понятно, вначале не поверила, и ему пришлось потратить немало слов и сил, чтобы убедить ее в том, что все на самом деле так и есть. Поверив наконец мужу, жена загрустила:

— Ну так это у тебя отпуск. А у меня-то нет. Кто меня отпустит? У нас самый разгар трудовой

деятельности, как оно и предполагается в августе...

Жена Богданова преподавала в университете, и в августе у нее на работе и впрямь царило коловращение — абитуриенты сдавали вступительные экзамены. Поступающих было много, экзаменаторов — мало, и потому преподавательский «штык» был на счету. Какой уж тут отпуск? Не отпустят...

— Как это так — не отпустят? — возмутился Богданов. — Ты кто есть такая? Ты жена сотрудника КГБ! Мало того, командира группы спецназа! Отпуска у нас — дело непредвиденное и стихийное! То есть могут случиться в любой момент! Может ли сотрудник КГБ провести отпуск с любимой женой? Может! Имеет право! Более того — обязан! Вот так и объясни своему начальству, если оно заартачится. А то ведь я могу принять и чрезвычайные меры!

— Это какие же? — испугалась жена. — Что, возьмешь наш факультет приступом? Арестуешь декана?

— Ну зачем же? — рассмеялся Богданов. — Есть и другие способы. Они, конечно, не такие радикальные, но действенные. Науськаю, к примеру, на ваш университет генерала Скоробогатова. Скажу ему: «Товарищ генерал, в моем лице обижают ваших подчиненных. Не отпускают же-

ну в отпуск». Ручаюсь, что уже через пять минут ваш декан или кто-то там еще уже будет вручать тебе распоряжение об отпуске. Ну что, напустить на ваше учреждение генерала Скоробогатова? Ты ведь его знаешь...

— Не надо! — рассмеялась в ответ жена. — Прибережем генерала на самый крайний случай. Попробую убедить свое начальство более щадящими аргументами.

— Ну, убеждай, — кивнул Богданов. — Вечером расскажешь, как это у тебя получилось.

Примерно такие же страсти кипели и у других бойцов, разумеется, у тех, кто был женат или у кого имелась невеста. Как уж там оно все решалось, дело индивидуальное. А только в конечном итоге почти сама собою образовалась компания из четырех семейных пар. Первая пара — Богданов с женой, далее — Александр Дубко, Степан Терко и Геннадий Рябов, тоже с женами.

Идею подал Дубко.

— А давайте, — сказал он, — устроим много-семейный отпуск! То есть махнем куда-нибудь четьрьмя семьями! Вместе, значит, махнем, вместе и отдохнем! А? По-моему, идея неплохая. Нет, конечно, если кто-то желает провести отпуск, так сказать, в сугубо интимном уединении, тогда другое дело. Тогда я снимаю свое предложение. Ну, что скажете?

— По-моему, идея неплохая, — согласился Рябов. — Я — за. То есть мы за: я и моя жена.

— Да и мы с супругой возражать не станем, — сказал Богданов. — Возьмем билеты на поезд и... Правда, сейчас лето, а потому с билетами в южные края может случиться заминка. Ну ничего, как-нибудь выкрутимся. Если что, подключим генерала Скоробогатова. Скажем, коль ты нас осчастливил отпуском, то и билетами, будь добр, обеспечить. Наш генерал — мужик пробивной, так что, думаю, будут нам билеты.

— Не надо нам ни билетов, ни генеральских услуг, — возразил Терко.

— Это как так — не надо? — не понял Дубко. — А на чем же мы поедем в южные края?

— А на машинах, — ответил Терко. — У тебя есть «Москвич», у меня «жигуленок». Разместимся в каждой машине по четыре человека и покажем не торопясь. Где захотим — остановимся, полюбуемся видами и дальше поедем.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Дубко. — Как это я сам не догадался? По-моему, замечательная идея! Что вы на это скажете? — Вопрос касался Богданова и Рябова.

— Ну а что? — поразмыслил Богданов. — По-моему, подходяще. Я не возражаю.

— Я тоже, — добавил Рябов.

— Что ж, можно сказать, дело наполовину решенное, — подвел итог Терко. — Остается лишь уговорить наших благоверных.

— Думаю, с этим проблем не будет, — сказал Богданов. — Во всяком случае, у меня.

— Да и у меня тоже, — произнес Дубко. — В кои-то веки отпуск! Да еще летом! Да еще семейный! Да еще такой необычный — на автомобилях за тысячу верст! Какая же нормальная жена станет возражать против такого счастья? А жены у нас нормальные, разве не так?

— Это точно, — рассмеялся Терко. — У нашего брата спецназовца ненормальных жен быть не может. Ненормальные не выдержали бы нашего образа жизни. А наши терпят. Потому что понимают. Нормальная жена — это такая жена, которая понимает.

— Остается только нашим женам выхлопотать отпуска, — заметил Рябов. — Всем разом. Тут могут быть проблемы...

— То же самое по телефону только что говорила моя супруга, — сказал Богданов. — Дескать, ее могут не отпустить. А я ей сказал, что в этом случае задействую генерала Скоробогатова. Против него не устоит никто! Так что будут нашим благоверным отпуска!

— Ну если так, тогда конечно, — со смехом согласился Рябов. — Генерал Скоробогатов — страшное оружие. Врагу не пожелаешь.

Рассмеялись и остальные спецназовцы. Отсмеявшись, на том и порешили. «Москвич» Дубко и выдавший виды жигуленок Терко были в полной исправности, так что можно было ехать хоть завтра. Другой вопрос — куда именно? Вариантов напрашивалось два: Кавказ или Крым.

— Нет, на Кавказ, пожалуй, не поедем, — сказал Дубко. — Мы только недавно оттуда. Сколько же можно?

Действительно, не так давно команда Богданова побывала на Кавказе — спецназовцы выполняли там ответственное задание. Виды на Кавказе, конечно, умопомрачительные, однако скучновато два раза подряд отправляться в одни и те же края. Тем более что есть и другие такие же великолепные места. Например, Крым.

— Вот туда и поедем, — предложил Богданов. — В Крым.

— В Крым так в Крым, — за всех согласился Терко. — Почему бы и нет?

— Эх, а хорошо будет! — мечтательно произнес Дубко. — Вы только представьте! Едем, никуда не торопимся, где хотим — делаем привал, ночуем... Да хоть и в палатках — какая разница? Ведь лето же! Так что не замерзнем! Тем более с любимыми женами под боком! Эх! А главное, никто и знать не будет, где мы. Значит, никто не пошлет нам вдогонку депешу: возвращайтесь, мол, обратно, види-

те ли, вдруг образовалось срочное дело! Потому что попробуй нас найти! Красота! Просто благолепие!

— Это точно! — согласился Терко. — Благолепие, иначе и не скажешь. Никакой стрельбы, никаких погонь и никаких нехороших людей рядом. Покой и благодать! И мы — как обычные мирные граждане. Захотел — окунулся в море, захотел — вскарабкался на какую-нибудь гору. Налегке, без оружия и прочего снаряжения...

— А захотел — так и вина выпил, — добавил Дубко. — В Крыму, говорят, замечательное вино!

— Ничто человеческое нам не чуждо! — подвел итог Рябов.

...Через два дня выехали. Жены, конечно же, не возражали против такого отпуска. Пускай будет тесная кабина вместо удобного купе. Пускай ночевка в палатке вместо гостиничного номера. Какая разница? Главное — отпуск. В кои-то веки! Да еще вместе с мужьями, которых, бывало, они не видели месяцами. Вот это и есть самое главное. А все прочее — мелочи.

Из Москвы в Крым путь и без того неблизкий, а если к тому же ехать не торопясь, то дорога и вообще может показаться в два раза длиннее. Ехали целую неделю. Останавливались, где и когда хотели, любовались попутными достопримечательностями, ночевали в палатках, благо погода выдалась просто замечательная по всему маршруту.

Впрочем, один раз путешественников застал дождь, и пришлось проситься на ночлег к сердобольным людям в какой-то подвернувшейся деревушке. Ничего, пустили. Да еще и накормили ужином. Хороший это был ужин, настоящий: вареная картошка, молоко, овощи, грибы, свежий, только недавно вынутый из печи хлеб.

— Вот спасибочки вам, добрые люди! — выразил всеобщее восхищение Терко. — Тысячу лет не ел такого хлеба и не пил такого молока! Уже и вкус его подзабыл...

Хозяевами были старик со старушкой — добрые, милые и улыбчивые.

— А вы откуда будете? — спросила старушка.

— Из Москвы мы будем, мать, — ответил Терко.

— Из самой Москвы? — не поверила та. — Да неужто?

— А то! — подтвердил Терко.

— И куда путь держите? — спросил старик.

— Так, путешествуем по Руси-матушке, — сказал Терко. — Долгонько мы не были в отпуске — года три, если не больше. Все, знаете ли, работали... Теперь вот дали нам отпуск. Так чего же сидеть в городе? Вот и поехали...

— Оно и правильно, — степенно рассудил старик. — Работа работой, да только не все нужно мерить работой, вот ведь какое дело. Какая бы работа ни была, а есть и помимо нее всякие дела.

Если, скажем, все время работать, не видя белого света, то это, знаете ли, грех. Точно грех. И не возражайте, лучше прислушайтесь к тому, что вам говорят старые люди. Грех это — работать и работать...

— Да мы и не возражаем, — усмехнулся Терко и разом оглядел своих товарищей, которые хотя и не вмешивались в разговор, но слушали с большим интересом. — Мы согласны. Грех это... Но куда от него деваться?

— Грех, — повторил старик. — Иной раз посмотреть, как встает солнышко или, скажем, как плещется в реке вода, куда как лучше, чем работать. Полезнее для души. Потому что работа — она дело суетное. Временное. А солнышко и вода в реке — это вечное...

— Ой, как же мы с тобой, отец, согласны! — поддержал разговор Дубко.

— А коль согласны, так делайте правильные выводы! — назидательно изрек старик.

Ночевали на самом настоящем сеновале. И это тоже было замечательно — как из полузабытой сказки из детства. В щели дул освежающий ночной ветерок, откуда-то доносились таинственные непонятные звуки, а в прорехи, которые угадывались на крыше, заглядывали звезды. И поневоле казалось, что во всем мире царят тишь и благодать, нет никаких тревог и волнений, ни-

кого не надо выслеживать и догонять, ни в кого не надо стрелять, и в тебя стрелять тоже некому...

Наутро, накормив путешественников уютом-рачительной деревенской яичницей и напоив чаем, настоящим на местных травах, старики проводили гостей в дорогу. Конечно же, одарив на прощание всевозможными гостинцами: свежим деревенским хлебом, молоком, огурцами, салом, свежепосоленными груздями. И сердечными напутствиями, которые, наверное, были самым дорогим подарком, может, даже дороже, чем испеченный старушечьими руками хлеб.

— А ведь эти милые старики во всем правы, — задумчиво произнес Терко. — И насчет солнышка, и насчет воды в реке. И вообще... Они, значит, правы, а мы? Получается, что мы не правы? Так, что ли?

— Мы тоже правы, — сказал Дубко. — Просто у каждого своя правда. Кому-то надо печь хлеб в печке, кому-то — служить в спецназе. Уж так устроен этот мир. Каждый в нем ищет что-то свое. Что ищет, то и находит. Отсюда вывод: и эти добрые старики, и мы с тобой живем не зря. У каждого своя правда...

— Да ну тебя с твоей философией! — отмахнулся Терко. Потом помолчал и добавил: — Ладно уж... Будем считать, что ты меня убедил. Поехали, что ли?

ГЛАВА 2

В Ялте, куда они прибыли, свободных номеров в гостиницах, конечно же, не оказалось. Какие могут быть свободные номера в Ялте в разгар туристического сезона! После недолгих поисков и расспросов нашли некоего веселого крымского аборигена, который предложил путешественникам поселиться у него.

— Ну а что! — сказал абориген. — Поселитесь у меня! Вместе с женами! Места хватит всем! Да и недорого. Мы — частный сектор, дорого не берем. Не то что в гостиницах и разных прочих пансионатах! Оно, конечно, комфорта у нас поменьше, чем в пансионатах. Но разве дело в комфорте? Разве за комфортом вы сюда прибыли? Вы прибыли за солнцем и за морем, разве не так?

— Так, так! — смеясь, ответил Богданов.

— Ну а коли так, к чему лишние разговоры? — радостно спросил абориген. — Добро пожаловать в мои апартаменты! Поселю всех! Ка-

ждой паре выделю по отдельной комнате! Скажите, а вы случайно не из милиции?

— А что, похоже? — улыбнулся Дубко.

— Да не сказать чтобы похоже, — неопределенно ответил абориген. — Хотя бывает всякое... Бывает, что и непохож, а на поверку как есть милиционер! Со всеми вытекающими печальными последствиями.

— Что, нелады с милицией? — спросил Терко.

— Не то чтобы нелады, но бывает всякое, — глубокомысленно изрек абориген. — Я ведь кто? Я частный сектор, понятно вам? И сдаю внаем жилье всяким приезжим курортникам. А это вроде как против закона. Хотя почему против закона? Этого я не понимаю! Я ликвидирую государственные недостатки, понятно вам? Положим, у государства не хватает гостиниц для всех приезжих. А если принять во внимание меня и таких, как я, глядишь, всем места и хватит. Меня, если хотите знать, за исполнение государственных интересов медалью надо наградить, а не преследовать. Ну разве я неправ?

— Прав на все сто! — сказал Дубко.

— Так вы, значит, не из милиции? — еще раз уточнил абориген.

— Мы геологи-изыскатели, — сказал Дубко. — Прибыли к вам с Крайнего Севера.